

Иван Власенко

СТРОВ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Иван Власенко

Остров приключений

«Издательские решения»

Власенко И.

Остров приключений / И. Власенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500673-8

Юный герой отправляется на тропический остров, чтобы отыскать своего загадочного дядюшку и вручить ему не менее загадочный подарок. В самолёте он знакомится с детективом, на котором лежит страшное проклятие, и со стюардессой, которая боится уснуть. Героям предстоит разгадать тайну острова и выжить в головокружительных приключениях, чтобы спасти мир от демона, меняющего реальность.

ISBN 978-5-00-500673-8

© Власенко И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Остров приключений

Иван Власенко

© Иван Власенко, 2020

ISBN 978-5-0050-0673-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Путь бездельника

Это случилось в начале лета. Я тогда очень устал от школы и бесконечных домашних заданий, и последние две недели старался наверстать упущенное, не занимаясь решительно ничем. Я намеревался провести так всё лето. Абсолютное безделье.

Это было нелегко, потому что мне всё время хотелось что-нибудь сделать. На кофейном столике лежал незаконченный рисунок. На нём красовался какой-то монстр, непонятно как появившийся в моей голове и перекочевавший на бумагу. Он был раскрашен всеми цветами фломастеров. Оставалось пририсовать ему ещё две или три ноги, чтобы он выглядел более естественно. Но я себя сдерживал. Из последних сил я продолжал не рисовать... Нужно быть верным своему решению. Я – бездельник.

Когда я объявил о своём желании родителям, (а для этого мне пришлось поступиться принципами Абсолютного безделья, то есть вскочить с дивана и побежать в соседнюю комнату), родители переглянулись, ухмыльнулись, и сказали мне вот что. Привожу дословно наш разговор:

- Если твои принципы абсолютно... – начал папа.
- Абсолютно, – подтвердил я и топнул для красоты ногой.
- Абсолютно железобетонны... – продолжал папа.
- Из самого крепкого железобетона, – сказал я и демонстративно лёг на пол.
- И ты не собираешься отступить от них ни на йоту...
- Ни на одну молекулу.
- Остаётся только одно.

Последнее было сказано довольно суровым тоном, и я почувствовал себя немного глупо. Там, на полу.

– Если хочешь бездельничать как король, – сказала мама, хитро улыбнувшись и ткнув папу локтем в бок, – то мы разрешаем тебе провести лето на острове Кура-Кура. Пора тебе познакомиться с дядей Кларком. Он такой же непоседа, как и ты. Вы обязательно поладите.

Когда она это сказала, то повергла меня в сильнейший шок. В хорошем смысле. Я даже не заметил, как очутился в вертикальном положении и с широко распахнутыми глазами. Неужели я проведу каникулы на этом острове?

- Ты проведёшь каникулы на этом острове, – сказал папа, – если исполнишь одно условие.
- Всё, что угодно! – воскликнул я.

Папа открыл старинный потемневший от времени сундук. Потом достал из него сундук поменьше, не такой старинный. Затем вынул из последнего затёртый и потрескавшийся чемодан. Из чемодана он вытащил новенький серебристый дипломат, а из дипломата – деревянную шкатулку, которую мы соорудили с ним на прошлой неделе. Шкатулка пахла древесной смолой.

– Здесь, – сказал папа, – находится загадочный предмет, который ты должен отдать дядюшке Кларку, когда прилетишь на остров.

– Что за предмет? – поинтересовался я.

Папа вручил шкатулку маме, а та очень осторожно её открыла. Внутри лежали зелёные резиновые тапочки из супермаркета.

– Мне приснилось, что старые тапочки у моего братишки уже износились, поэтому я решила отправить ему новые. И как можно скорее.

Я глядел на маму в недоумении.

– Тапочки?

– Да, – подтвердила мама, – на острове нет ни одного магазина и поэтому дяде Кларку больше нигде взять новые тапочки. Ты непременно должен разыскать дядюшку и вручить ему подарок. Иначе быть беде.

– Иначе быть беде, – повторил папа зловещим тоном.

– Ладно, – сказал я, – давайте сюда ваши тапочки. Безделье – оно того стоит.

Надо упомянуть, что мой дядя Кларк – чрезвычайно загадочная и почти легендарная личность. Настолько легендарная, что его имя известно всем и каждому. Настолько загадочная, что о нём никто ничего не знает. Известно лишь, что он живёт на острове Кура-Кура. Или, возможно, на каком-то другом из двух тысяч трёхсот сорока двух островов, входящих в архипелаг Кура-Кура. Ещё все твердят, что он славный малый, но уж больно чудной. Когда-то он застрял на необитаемом острове. После этого, собственно, он и стал чудным. Так говорят.

Если честно, я узнал о существовании моего дяди только весной, и с тех пор страстно желал его увидеть. Он объявился в нашей жизни внезапно. Когда родители получили от него первое письмо, на их лицах вдруг выступила небывалая задумчивость. Словно они решали задачу по квантовой механике с миллионом переменных. В письме говорилось о красотах Индийского океана и о каких-то ничевошках. В конце письма дядя радушно приглашал нас в гости, на остров Кура-Кура. Родители тогда дочитали письмо, сняли очки и принялись на все лады изображать вышеупомянутую задумчивость. Лбы их морщились, топорщились, распрямлялись, покрывались потом, бледнели и краснели. В конце концов, родители выдворили меня из комнаты. Когда я спросил из-за двери, собирать ли уже чемоданы, в ответ я услышал лишь неразборчивое папино похмыкивание. Я уже почти не надеялся, что когда-нибудь попаду на остров, а теперь...

Я ужасно обрадовался такому повороту дела. Ведь случилось невероятное – я отправлюсь на тропический остров! (как я вскоре выяснил, это было лишь первое невероятное событие из длинной череды гораздо более невероятных, и иногда просто невозможных событий).

Я познакомлюсь со своим легендарным дядей, которого никогда не видел!

И я смогу бездельничать по-настоящему. Но рисунок, пожалуй, стоит закончить. Нельзя существу из альбома оставаться всего с пятью ногами. Это неправильно.

Я сказал:

– Дорогие мама и папа, я чудовищно вам благодарен. Только не зовите меня непоседой, как в былые времена. Это как-то несолидно. Отныне я принадлежу к племени островных бездельников.

Потом я горячо их обнял в порыве всё той же благодарности, и они тоже обняли меня, и слёзы текли по их щекам, и я просил их не волноваться, и говорил, что всё будет хорошо, но они дрожали от нахлынувших чувств, и горячие слёзы всё равно капали из глаз.

Только потом я узнал, что они чуть не лопались от смеха и пытались скрыть это, притворяясь, что плачут. Но в тот момент я всё принял за чистую монету.

Итак, решено. Я стал на путь бездельника, и обратной дороги у меня, наверное, нет.

Начались беспорядочные сборы и стихийное упаковывание чемодана с бездушной пластиковой крышкой. В нашей семье абсолютно всё и абсолютно всегда делается стихийно и беспорядочно, но в итоге получается очень неплохо. Первым делом мы погрузили в чемодан моё личное растение вместе с горшком. Это было небольшое деревце бонсай с крошечными листьями. Потом общими усилиями было решено, что не надо запихивать его на самое дно чемодана, потому что это может повредить нежную крону. Пришлось привязать дерево снаружи. Бездушный пластиковый чемодан стал выглядеть... ээм, не так бездушно и пластиково.

Мало-помалу чемодан наполнялся вещами, которыегодились бы мне для комфортного ничегонеделанья и, возможно, для обмена с местными жителями на разные местные диковины. Там едва хватило места для одежды и зубной щётки. Я долго раздумывал, стоит ли бездельнику вести торговлю с аборигенами, или ему должно быть лень, но так и не пришёл к окончательному выводу. Поэтому я взял всё.

В самую последнюю очередь, когда места в чемодане не хватило бы даже для того, чтобы запихнуть туда булавку, папа вспомнил о шкатулке с тапочками. Она невозмутимо стояла на подоконнике, освещённая ярким летним солнцем. На ней сидела муха, потирающая лапки.

Каким-то неопишуемым образом мы вколотили шкатулку в чемодан. Думаю, тут не обошлось без квантовой механики.

Вот теперь – точно всё.

Спустя пару дней томительного ожидания, я сидел в самолёте и пил лимонад. Родители махали мне платочками, корчили рожи, и вообще проявляли какую-то подозрительную активность. Перед посадкой отец схватил меня за плечи и сказал:

– Сын, пора тебе узнать, где раки зимуют. Нет, в прямом смысле. Понимаешь, в самом прямом! Дело тут не в раках, нет. Раки – это всего лишь метафора. Понимаешь, о чём я?

– Пап, перестань меня трясти, у меня бейсболка на лицо съехала.

– Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать?

– Нет.

– Хорошо. Это неважно. Потому что... Ну, чего ты ждёшь?

– Жду, когда ты скажешь, почему это неважно.

– Папа просто волнуется, – сказала мама, хватая меня за чемодан, – но волноваться не о чем, правда?

Она посмотрела на папу.

– Да, – выдавил он. – Совершенно не о чем.

– Вы какие-то странные сегодня, – сказал я.

– Ничего подобного, – вставил папа. – Ты собираешься залезать в этот самолёт или пойдёшь пешком?

– Дядя Кларк живёт на острове Кура-Кура, – сказала мама. – Точного адреса у меня нет, потому что дядя Кларк не признаёт адресов. Но ты поспрашивай местных, они все его знают. Найди его и вручи ему тапочки. Это ужасно важно. Мы доверяем тебе великую миссию.

– Ты теперь вроде как агент иностранной разведки, – пошутил папа, дёргая себя за волосы.

Мама ткнула его локтем в бок и даже не улыбнулась.

– Пожалуйста, – попросила она.

– Вручить тапочки дяде Кларку – это моё самое сильное желание, – так я ей ответил, – но, сперва побездельничаю как следует.

Родители опять затряслись от переполнявших их чувств, и слёзы выступили на их глазах.

– У тебя вряд ли найдётся минутка для отдыха, – всхлипнула мама, – ведь тебе надо разыскать... дядюшку.

– Как всё это трогательно! – завывал папа.

– Как всё это странно, – думал я.

Они рыдали так, что я думал, с ними сделается припадок. Только потом я узнал... Ну, я вам уже говорил.

В самолёте мне улыбалась красивая стюардесса с каштановыми волосами. Я улыбался ей в ответ. По-моему, стюардесса улыбалась гораздо дольше, чем позволяли нормы приличия. Я тоже продолжал улыбаться, чтобы не ударить в грязь лицом. Уголки губ у меня задрожали, а лицо перекосила судорога.

Улыбка стюардессы стала ещё более дружелюбной и широкой. Потом она зачем-то скосила глаза на переносице, и улыбка её переросла в масштабный заразительный зевок. Я зевнул ей в ответ, и остался крайне недоволен собой. Стюардесса отправилась за напитками, то и дело спотыкаясь на каблуках.

Из иллюминатора я увидел, как мой отец выделяет некий замысловатый танец, а мать ходит вокруг со шляпой, в которую люди бросают деньги. У меня хорошая семья. Наверное.

Загудели двигатели. Самолёт вырулил на взлётную полосу и стал набирать скорость.

Глава 2

Необычное знакомство

Остров Кура-Кура. Дурацкое название. Две пересадки в аэропортах. Смена часовых поясов, лёгкое головокружение. Море иностранцев со всех концов мира. Зевающая стюардесса. Почему-то одна и та же в разных самолётах. Может быть, она преследует меня, чтобы щедро поделиться своей отчаянной зевотой? Я откинулся на спинку кресла и задумался, как вытащить из чемодана альбом для рисования, чтобы чемодан не взорвался от переполняющих его вещей. Полёт проходил нормально. Это была последняя часть рейса. Скоро мы прибудем на остров.

Надо сказать, что стюардесса выглядела очень, очень, *очень* усталой. Мне даже было немножко страшно за неё. Она сидела в своём кресле, уперев локти в колени и ероша волосы. Она храбро боролась со сном, но каждые четыре секунды её голова съезжала набок, и она тут же отдёргивала её вверх, чтобы через положенные четыре секунды ерошения волос, голова опять съехала вниз. Пассажиры, которых в этом самолёте было человек десять, тактично ничего не замечали.

Надо сказать пару слов о самолёте. Он был старый. И ржавый. И дребезжал так, словно его било током. Подпрыгивая в кресле, утомлённый долгим полётом, я вдруг понял, что про этот самолёт надо написать поэму. Я начал её так:

Немало славных праотцов
Деяния вершили.
И много разной чепухи
Они изобретили.

Был самолёт, летящий вдаль,
Меж крыльев – комья пыли.
Ошиблись праотцы – его
Изобрести забыли.

Дальше я сочинять не стал, решив, что этого вполне достаточно.

Невзирая на трудности полёта, я мужественно фотографировал облака и крыло самолёта, которое торчало прямо под иллюминатором. Для этой цели я перегнулся через одного толстого господина в яркой гавайской рубашке, испачканной пылью и кофе. Поверх рубашки на нём было длинное бежевое пальто, из тех, что носят киношные детективы. Толстому господину не доставляли большого удовольствия мои упражнения с фотоаппаратом. Когда я упёрся локтями ему в живот, чтобы легче было держать фотоаппарат, он любезно уступил мне место у окна. Думаю, он очень вежливый человек.

Полёт проходил нормально.

Не считая сонной стюардессы, других развлечений на борту этого самолёта не было. Все пассажиры, и я в том числе, тоже хотели спать. Но мы не шли ни в какое сравнение со стюардессой.

Самолёт был небольшим стареньким гидропланом, и умел взлетать и садиться на воду. Больше он не умел ничего.

Я решился достать альбом для рисования, чтобы закончить моего монстра. К несчастью, альбом покоился на дне чемодана, прямо под мешком со столярными инструментами. А чемодан лежал на полке для багажа высоко над головой. Чтобы достать альбом, мне предстояло выковырять чемодан с узкой полки, осторожно спустить его на пол и вытряхнуть всё содержимое. Вытряхнув это содержимое, я бы добрался до альбома, отложил бы его в сторону, чтобы нечаянно не сунуть назад. Потом я встряхнул бы содержимое обратно в чемодан, но так, чтобы оно улеглось ровно, изящно и не выпирало. Потом я вспомнил бы о том, что забыл достать фломастеры, и пришлось бы начинать всё сначала.

У меня вспотели ладони.
– Хорошо, – сказал я, – всё получится.

Стараясь не потревожить моего толстого соседа, занятого чтением газеты, я осторожно перелез через его живот, встал на подлокотник и потянулся за чемоданом.

То ли чемодан оказался слишком скользким типом, то ли виной всему были потные ладони, но мгновение спустя чемодан уже приземлялся на голову толстому господину. По моему, даже что-то хрустнуло, хотя я в этом не уверен.

Сначала толстый господин никак не отреагировал на это чемоданопадение. Потом взгляд его помутнел, и он как-то осунулся в кресле.

– Что с вами? – воскликнул я, хотя и так понимал, что с ним.
– Аллергия, – промямлил он слабым голосом, не лишённым, однако, сарказма, – будь добр, принеси мне воды. От этой сонной мухи не дождёшься помощи.

Я принёс ему стакан воды со стюардессовой тележки. Стюардесса была занята борьбой со сном и никак мне не препятствовала.

Толстый господин поднёс стакан к губам и медленно выпил. Тогда я задал другой вопрос:
– На что у вас аллергия?

Он поднял глаза, за зрачками которых стелились туманы.
– На чемоданы, – произнёс он громко, и вдруг ухватился за макушку.
– Простите, – сказал я, – хотите ещё?

Он внимательно посмотрел на меня. Его брови недоумённо полезли на лоб.

– Я имею в виду, хотите ещё воды?
– Не откажусь.

Я сбегал за новым стаканом, аккуратно преодолев завал из чемодана. Моё любимое дерево, привязанное к его поверхности, не пострадало.

– Ты удивишься, – сказал толстый господин, принимая у меня новый стакан с водой, – но падение этого железобетонного блока – самое безобидное событие в моей жизни за последние две недели и три дня.

– Это не железобетонный блок, – поправил я с остроумным видом, – а всего лишь дорожный чемодан.

– О, – сказал толстый господин, – должно быть, ты носишь в нём железобетонные блоки. Он принялся ощупывать голову.

– Почему вы сказали, что это самое безобидное событие в вашей жизни за последние две недели и три дня? – спросил я.

Толстый господин поморщился от боли, вынул из кармана грязную повязку, смочил её водой из стакана и привычным движением намотал на голову. Затем он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Забудь.

Я не растерялся.

– Да ладно, вы же хотели рассказать!

– Я передумал.

Полёт проходил нормально. Ну, насколько это вообще возможно в таком самолёте.

Ржавая железная птица продолжала грохотать по небу. Когда мы только поднимались на борт, старший пилот, жизнерадостный и загорелый азиат объявил, что грохот самолёта, который мы скоро услышим – абсолютно обычное явление, и что он заменяет пилоту пару сотен контролирующих приборов, которых всё равно нет на борту, и по изменению мелодии грохота он может узнавать о неполадках в системе. Окинув взглядом встревоженных пассажиров, пилот деланно улыбнулся и вдруг сказал, что просто пошутил. Затем он слегка нахмурился и ушёл в кабину пилотов.

Чемодан по-прежнему валялся в проходе. На нём росло моё дерево. Знакомьтесь, Снежок. Да-да. Именно так. Однажды я дал имя своему дереву, потому что оно классное. Странно, что никто кроме меня этого не замечает.

Стюардесса героически боролась со сном. И это было захватывающе. Как последняя битва за Средиземье. Вот голова её клонится к коленям. Вам уже кажется, что всё кончено, но в последний момент она вздрагивает, поднимает лицо и разлепляет веки. Исход битвы ещё не решён.

– Я не удивлюсь, если эта чёртова груда металла рухнет в океан, – мрачно вымолвил мой сосед после долгого молчания.

– Почему? – спросил я.

– Тебе не стоит этого знать, – сказал он.

Я скривил недовольную физиономию.

– Вы специально?

– Прошу прощения?

– Вы специально говорите, что есть что-то такое интересное, а дальше не рассказываете?

Толстый господин тяжело вздохнул.

– Ну, расскажите! Ну, пожалуйста.

Он вдруг стал очень серьёзным. По крайней мере, сделал вид.

– Слушай, мальчик. Я не собираюсь тебе ничего рассказывать. Ты даже понятия не имеешь, с кем разговариваешь. И лучше тебе держаться от меня подальше. Усёк?

– Почему? – поинтересовался я.

– Потому что на мне лежит тяжёлое проклятье, которое испепелит твои маленькие хрупкие косточки!

– Ого, – только и сказал я, – а какво это, когда на тебе лежит проклятье?

– Чувствуешь себя проклятым. Всё. Хватит разговоров.

– Почему вас прокляли? Кто это сделал?

Толстый господин закатил глаза.

– Вы совершили что-то ужасное?

– Да. Хуже ты и представить себе не можешь. Поэтому держись от меня подальше.

– Вы повторяетесь.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– А вот и не повторяюсь.

– Повторяетесь. Вы уже говорили держаться от вас подальше.

– Мне сказать в третий раз?

– Нет. Но я хочу больше узнать о проклятиях.

– Поверь, не надо.

– Теперь мне ещё сильнее хочется.

– Не мои проблемы.

– Вы начали этот разговор.

– Невольно.

– Ну, теперь уже ничего не поделаешь.

– Проклятье!

– Так, вы правда совершили что-то ужасное? Что именно?

– Правда. А может, и нет. Я не помню.

– Как интересно!

– Если бы ты был на моём месте, ты бы не говорил: «как интересно».

– Говорил бы.

– Ладно, чёрт побери, я тебе расскажу, если потом ты отвяжешься.

– Именно так и будет, – подтвердил я и приготовился слушать.

Толстяк снова закрыл лицо ладонью.

– По какому-то странному совпадению, – начал он, откинувшись в кресле, – все машины, на которых я езжу последние две недели и три дня, взрываются или переворачиваются. Хотя обычно это происходит одновременно. К тому же, куда бы я ни приехал, там сразу начинается ураган, землетрясение, извержение вулкана или война. Что скажешь? Безумие?

– Я скажу: «Продолжайте».

– Когда мне давали по башке последние пять раз, я не услышал ни одного извинения. Знай: когда в следующий раз меня случайно подстрелят на улице, то за этим последует пере-езжание меня машиной, либо лошадью, как это бывает обычно.

– Вы серьёз...

– Хочешь узнать, что случилось со мной в Майами? Так вот, недавно в Майами мне дали по башке (ну, к этому я уже привык), отвезли в какой-то ангар и бросили на пол. На холодный железный пол, прошу заметить. Я очнулся от странного шума. Наручники были сняты – видимо, похитители осознали, что взяли не того парня, и дали мне возможность уйти. Это были самые вежливые преступники, которых я когда-либо встречал. Но кое о чём они не позаботились. То, что я сначала принял за ангар, оказалось подземной шахтой, по которой несутся раскалённые газы от взлетающей ракеты. Собственно, они и пронеслись, что им ещё делать.

– И вы остались живы? – воскликнул я изумлённо.

– Не знаю, – ответил толстый господин, запахнув пальто и насупившись, – наверное, выжил, если я сижу в этом крылатом рукомоёйнике и не проваливаюсь сквозь рваную обивку кресла, как чёртов призрак.

– Но как?

– Говорю же тебе, я не знаю. И мало того, что со мной случаются все эти ужасные вещи, так я, ко всему прочему, потерял память!

– Но вы же помните...

– Да, не всю память. Но я забыл что-то крайне важное. Что-то архиважное. Что-то такое, от чего зависит моя жизнь и, возможно, жизни других людей. Но я понятия не имею, что я забыл. Осталось лишь чувство гулкой пустоты. Сводящее с ума напряжение, которое разрывает сердце на миллион вопящих осколков и не оставляет тебя в покое даже во сне.

– Как вы...

– После этого случая я добрался на попутках до Лос-Анджелеса, где на меня рухнул дом. Но ты не переживай. Я отделался лёгкими ожогами от пролитого кофе. Я пролил его по глупости. Ведь все вокруг считают, что если от землетрясения обрушился дом, то одна чашка кофе – это пустяк и её обязательно надо пролить или разбить для усиления драматического эффекта. Вот и я пролил кофе, хотя в этом не было совершенно никакой необходимости. Обломки здания падали вокруг. А кофе был горячий. Настоящий вулкан. Это было позавчера. Когда я вышел из здания, как ни в чем не бывало, то задумался, почему меня не убило насмерть. Там и в ракетной шахте. Почти сразу я пришёл к выводу, что проклятию не интересно просто убивать. Оно хочет, чтобы я мучился.

Толстый господин умолк. Поглядел в окно на облака.

– Доволен? – спросил он.

– Почему вы летите на остров Кура-Кура?

– Это мой единственный шанс вспомнить. Избавиться от проклятия. Глупый, безумный, отчаянный шанс, пропитанный отчаянием.

– Жизнь прекрасна! – не правда ли?

В расщелине между кресел появилось улыбающееся лицо с большими белыми зубами и живописно растрёпанными тёмными волосами.

– Я вас знаю? – спросил толстый господин.

– Откуда я знаю, знаете ли вы меня? – лицо лучезарно улыбнулось. – Но скорее всего – да, Вы должны меня знать. Определённо так. У нас много фанатов.

– Простите, что-то не припомню, – сказал толстяк.

Лицо улыбнулось ещё шире.

– Но вы наверняка знаете это:

Там-там-там, тадам-дам-дам,
Там-дам, дадам, тадададам!
О, детка, детка, где же берег?
Куда исчез горизонт?
И как нам вернуться обратно?
И стоит ли, стоит ли...
Мне так хорошо с тобой...

– Простите, что? – спросил детектив, недоумённо глядя на поющее лицо. Я распахнул глаза от восхищения.

- Вы – Фред! Из группы Плавучий Остров!
- Точно так, парень.
- Невероятно. У меня есть все ваши альбомы.
- Ха-ха-ха! Вот здорово! Ребята, у нас тут ещё один фанат.

В ответ с передних кресел донеслось длинное мелодичное восклицание, закончившееся дружным смехом музыкантов.

Толстый господин сжал губы.

– Полагаю, у вас всё замечательно, мистер...

Лицо Фреда вдруг исчезло, и вместо него появилось другое, чуть более задумчивое.

– Меня зовут Джордж, – сказал этот джентльмен. – Мы попросили Фреда узнать, который час, потому что ни у кого из нас нет часов. Видите ли, мы не носим их, чтобы не замечать времени. Но Фред слишком любит своих поклонников и забывает обо всём на свете, когда встречается с ними.

– Я обожаю вашу группу – сказал я.

Джордж расплылся в широкой улыбке.

– Ребята, давайте что-нибудь сбцаем, чтобы пропала необходимость узнавать время! – воскликнул он.

С передних кресел раздались возгласы одобрения. А потом музыканты запели.

Удивительно, каких только людей не встретишь в самолёте! Да и вообще – в путешествиях. Порой встречаются настолько удивительные личности, что вообще непонятно, как можно было прожить столько времени и не знать, что они существуют.

– Ого, – сказал я после третьей песни, когда лицо Джорджа вернулось из расщелины между кресел к приятелям, – каких только людей не встретишь в самолёте!

Толстый господин посмотрел на меня ясными глазами. Туманы, навеянные моим чемоданом, очевидно, рассеялись.

– Ой, я совсем забыл спросить ваше имя, – сказал я.

Толстяк порылся в нагрудном кармане своей цветастой рубашки и выудил из неё заляпанную кетчупом визитку. На визитке стояла надпись: «Джонни Вудхауз. Частный детектив. Ищем кошек, собак, забывчивых старушек. Раскрываем финансовые преступления». Далее значился длинный телефонный номер и адрес.

– Вы – частный детектив! – воскликнул я. – Настоящий.

– Да, – сказал Джонни Вудхауз и откинулся в кресле, – я – Джонни Вудхауз, тот самый. Ты, верно, слышал обо мне.

– Честно говоря, не слышал, – признался я.

Детектив уставился в окно и несколько минут наблюдал, как на ветру колыхается ржавое крыло самолёта. Мы молчали. Слышен был лишь грохот двигателей и голос Фреда, который что-то втолковывал своим друзьям.

– Есть ещё одна причина, по которой я лечу на остров.

Солнечный луч, пробившийся сквозь облако, выигрышно упал на мрачное лицо детектива, подчеркнув его отважную решимость.

– Что за причина? – спросил я.

– Думаю, я уже бывал на этом острове. Две недели и три дня тому назад.

Глава 3

Неисправность

Полёт проходил нормально.

– Чтобы ты не считал меня слишком сумасшедшим, посмотри на это.

Джонни Вудхауз вытащил из нагрудного кармана какую-то бумажку.

– Как думаешь, что это такое? – спросил он.

Я взял бумажку.

– Это билет на остров Кура-Кура, купленный вами на двадцать пятое мая. Значит, вы уже были там две недели и три дня тому назад?

– Только если это не подделка.

Я покрутил бумажку в руках и вернул её Джонни Вудхаузу. Он задумчиво посмотрел на билет.

– Вы не помните свою поездку?

Джонни аккуратно сложил билет вдвое и сунул его в нагрудный карман.

– Нет. Я не помню.

Чем дальше я разглядывал стюардессу, тем больше начинал верить, что она – мумия, которую насильно вытащили из гроба и заставили работать на самолётах. Бедняжка, как же она хочет спать. А ещё она чем-то опечалена.

Если бы я умел, то написал бы про неё стихотворение. Высокое и благородное. Оно бы называлось «О зевающей стюардессе»:

Зевающую стюардессу
Сдали в багаж по ошибке,
Потом потеряли в Австралии,
Но дней через пять отыскали
И к самому Дому доставили.

– Дом этот не мой, – говорит стюардесса,

– Вы что-то опять перепутали.

– Но это ваш Дом, – отвечают.

– Нет. Слишком похож на пуделя.

– Вы правы, мадам, – отвечают, – ваш Дом

По ошибке доставили в Бельгию.

– А мы сейчас разве не там?

– Мы в Нигерии,

Наверное, снова ошибка, минуточку.

– Отлично (ещё я подремлю, хоть чуточку,

Вот так бы спала и спала целый век...)

– Мадам!

– Ну чего вам? Несносный вы человек.

– Это может звучать интригующе,
Но мы оказались в будущем.
Похоже, из-за системного сбоя
Здравый смысл вышел из строя.

Затем стюардесса подняла бы голову к небу и увидела ужасно длинную и широкую пробку из летающих машин, которая тянулась бы с запада на восток, с севера на юг и в других направлениях. Потом стюардесса сделала бы глубокий вдох и сказала себе: милая, ты понимала, куда идёшь работать, поэтому держись.

– Всегда она так! – закричал Джонни Вудхауз прямо мне в ухо.
– Что?

Я подскочил в кресле и чуть не пробил головой обшивку самолёта, подвергнув опасности жизнь и здоровье пассажиров. Детектив, сложив руки на животе, всматривался в переднее кресло. Синее в белую полоску. Он нервно жевал спичку.

– И зачем так пугать! – взвинулся я, – ведь я чуть не пробил головой обшивку самолёта.
– Мне показалось, что ты умер, – проговорил детектив.
– Я живой! – заявил я, весьма гордый этим фактом.
– Рад за тебя, – ответил детектив безрадостно.

Ещё пару минут я переводил дух и пытался заесть испуг бортовой едой. В иных обстоятельствах я, конечно, не решился бы её есть. Но сейчас мне надо было отвлечься.

И вот, когда я уже почти поднёс ко рту ложку с каким-то горчично-бело-зелёным веществом, пахнущим пластмассой, Джонни Вудхауз сказал:

– Я так понимаю, ты меня вообще не слушал.
– Что? Нет, я...

Ложка с веществом мигом вернулась на поднос.

– Прекрасно. А то я уже начал жалеть о сказанном.

– О чём вы говорили?

– О чём ты думал в это время? Извини, конечно, но ты выглядел, как лунатик. Жуткое зрелище.

– Я сочинял стихи. О стюардессе.

– О ней? – Джонни Вудхауз кивнул в сторону нашей стюардессы, которая съехала головой на тележку с напитками и тщетно пыталась упереться рукой, чтобы выйти из этого затруднительно положения.

– Да, о ней.

Детектив вздохнул. И это был скорее мечтательный вздох, чем вздох отчаяния.

– Она замечательная, – сказал он.

– Вы её знаете? – спросил я.

– Нет. Но когда я смотрю на неё, мне кажется, что я знаю её всю жизнь.

– О, это, наверное, любовь с первого взгляда.

Джонни тряхнул головой.

– О чём это ты болтаешь?

– Ну, я слышал, бывает такое...

– Мне некогда забивать голову пустяками. Я должен разрушить проклятие и вернуть свою память, где бы она сейчас ни находилась.

Мы оба посмотрели на стюардессу. Ей уже почти удалось поднять себя с тележки. Кто-то из пассажиров предложил ей помощь. В ответ она махнула ладошкой, явно пытаясь сказать этим жестом, что с ней всё в порядке, затем потеряла равновесие и снова уронила лоб на тележку. Звякнули стаканы с газировкой.

Детектив вздохнул.

– Она подобна ангелу.

– Что?

Видно, настала моя очередь испытывать смущение. Я чуть не подавился субстанцией, которую отправил в рот секундой раньше, и которая почему-то называлась картофельным пюре.

– Англ... кхххм... Англия, – поправился детектив. – Думаю, она из Англии, именно так.

Полёт проходил нормально. Самолёт грохотал как обычно, и пилот объявил, что скоро мы прибудем на остров Кура-Кура. Джонни Вудхауз был мрачен, как призрак утонувшего спаниеля на собственных похоронах дождливым ноябрьским утром. И задумчив, как двести тысяч суперкомпьютеров.

Я вернулся к мыслям о стюардессе. Почему она такая сонная? Чем она расстроена? Мне очень хотелось узнать её тайну. Наконец, по совету Джонни Вудхауза, я притворился, что решил прогуляться по салону и размять ноги. Я встал, и с деланным безразличием направился к стюардессе. Но вначале я споткнулся о свой чемодан и грохнулся на пол (Снежок, мой дуб, не пострадал). Затем я встал и возобновил прогулку. Изо всех сил я старался принять безразличный вид. Но никто не обращал на мои старания никакого внимания, и меня это бесило.

Теперь стюардесса держала себя руками за волосы, чтобы голова не укатилась под синее, в полосочку, сиденье. Я спросил:

– Могу ли я быть вам полезен, мадам?

Она, очевидно, не услышала моего вопроса. Тогда я спросил погромче:

– Могу ли я быть вам полезен, мадам?

Тут она посмотрела на меня и как будто очнулась.

– Мальчик, самолёт в другой стороне, ты разве забыл? То есть туалет, а не самолёт. Ой.

– Сколько вы уже не спали? – воскликнул я, изумлённый её состоянием.

В ответ она так широко зевнула, что лишь чудом я удержался на ногах и не захрапел в проходе. Стюардесса поправила ремешок на одной из туфель и посмотрела на меня.

– Ой, привет! А я тебя и не заметилааааааааа...

Как ни старался, а всё же я не смог удержаться от зевоты. Такой глубокой и всеобъемлющей зевоты я ещё никогда не испытывал. И вряд ли когда-нибудь испытаю.

– Спасибо, да, я действительно что-то забыл, да, спасибо, всего хорошего.

Шатаясь и зевая на каждом шагу, я поплёлся к своему креслу. В конце пути меня ждал коварный чемодан, о который я не замедлил споткнуться. Снежок опять не пострадал.

– Что она сказала? – как бы нехотя поинтересовался Джонни Вудхауз, заворачиваясь в свой детективный плащ.

– Она сказала, что рада меня видеть, – ответил я, потирая ушибленное колено.

Полёт проходил нормально. Все бортовые системы работали в штатном режиме.

Все, кроме одной.

За окном проносились облака. Яркое солнце освещало салон выдавшего виды самолёта.

– Кхм, – сказал Джонни Вудхауз.

– Вам принести воды? – спросил я, поднимаясь с кресла.

– Нет, – остановил он меня, – погляди на это.

Он указал мне на спинку переднего кресла, в котором мирно храпел Фред.

– Мне смотреть на спинку этого кресла, я вас правильно понимаю?

– Тише, малец.

– Не называйте меня так.

– Тише. Ты тоже это видишь, или у меня поехала крыша?

Я начал внимательно разглядывать спинку кресла, гадая, что же так удивило Джонни Вудхауза. Долгое время я не замечал ничего необычного.

А потом увидел.

– Вы считаете, это нормально? – спросил я, неимоверным усилием воли отрывая свой взгляд от спинки кресла.

– Подойди с этим вопросом к кому-нибудь другому, ладно?

Поняв его слова буквально, я поднялся с места, чтобы поговорить с Фредом или кем-нибудь ещё.

– погоди. Пожалуйста, скажи мне: ты ведь тоже это видишь?

– Да. Я тоже это вижу.

– Что именно ты видишь?

– Я вижу, как спинка кресла, на котором сидит Фред, обрастает лохматой белой шерстью, скрывая под собой бело-синие полоски обивки.

– Ты уверен, что видишь именно это?

– Да, я уверен. И, кстати говоря, то же самое происходит с креслом Джорджа. И, погодите, с нашими тоже! Спинки и сиденья, всё обрастает шерстью...

– Неужели я не спятил? – воскликнул Джонни Вудхауз, хватая себя за лоб. – Конечно, на меня пало проклятие и чемодан, но клянусь всеми святыми: такого ещё не было.

– А что вы видите?

– В точности то, что ты описал.

– Надо позвать стюардессу! – предложил я.

– Нет, не надо никого звать, – взвизгнул Джонни и зажал себе рот ладонями.

– Но оно продолжает расти. Эту шерсть уже можно расчёсывать.

– Слушай, не делай этого... как тебя зовут, кстати?

– Лёша. Меня зовут Лёша Иванов. Я из Санкт...

– Отлично Лёша. Так, так, без паники. Без паники. Кто тут взрослый? Я тут взрослый. Надо что-то делать с этим... Что это, чёрт подери, такое? Уберите его!

Джонни закричал «уберите его», потому что крышка маленького встроенного ящичка на кресле Фреда внезапно распахнулась. И, вместе со старыми билетами, пакетиками от чипсов, окаменевшими жвачками и прочим мусором, из неё появился здоровенный розовый язык. Большой розовый собачий язык. Ящичек издавал звуки, напоминающие собачье дыхание и словно бы вилял хвостом от радости, хотя никакого хвоста у него не было. А потом случи-

лось самое страшное. Безо всякого предупреждения язык облизал Джонни Вудхауза с головы до ног. Выражение лица Джонни в ту минуту трудно было передать. Оно было таким, будто он случайно проглотил стаю собак, извалявшихся в сливочном масле, а внутри они начали смотреть телепузиков и искренне гавкать над каждым сюжетным поворотом, который показался им смешным.

– Меня сейчас вырвет, – кратко описал он своё состояние. – Лёша, ты любишь собак?

– Конечно, – сказал я.

– По-моему это всё неправильно, – бормотал Джонни, то бледнея, то зеленея. – Мы должны позвать стюардессу. Мадам, мадам! На борту беспоря... ааа... фууу! Какая гадость!

– Он снова вас лизнул. Это очень милый... шкафчик.

– У него изо рта несёт авиатопливом. Мы взорвёмся, стоит лишь кому-нибудь чиркнуть спичкой.

– Тут ни у кого кроме вас нет спичек.

– Вот и отлично. Мадам! Мадам! Что не так с вашим самолётом? Я чувствовал, я знал, что не стоит лететь этим рейсом. Мадам!

Наконец-то стюардесса услышала его крики. Её веки буквально притягивались друг к другу, словно намагниченные. И она старалась не дать им слипнуться окончательно. Это было удивительное зрелище. Но не удивительней кресел, внезапно обросших собачьей шерстью.

– Гав-гав-гав! – донеслось из нашей коробочки с языком.

– Гав-гав-гав! – донеслось из соседней.

Потом ещё из одной. А скоро все коробочки, которые были на спинках кресел, принялись отчаянно лаять и облизывать сзади сидящих.

Приложив невероятные усилия, то и дело спотыкаясь на своих высоких каблуках, стюардесса подошла к нам с Джонни, чудом не наткнувшись на руину из моего чемодана с растением. Потом она зевнула и отключилась.

– Мисс! Пожалуйста, – взмолился Джонни.

– Ах, да. Чем могу помочь? Принести чаю?

– Ваш самолёт взбесился, – сказал я, – он обрастает шерстью, и кресла гавкают.

– Какие замечательные у тебя получаются стихи, малыш.

– Я – Лёша Иванов из Санкт...

– Мисс, вы ведь тоже это видите?

Масштабный заразительный зевок стюардессы.

– Вижу что, сэр?

– Ну, это.

– А, это? Это... Господи, что это?

– Вот и я о том же.

– У вас голова перевязана. Вы ушиблись? Я вам сейчас принесу лекарства!

Джонни тяжело вздохнул. Это был вздох человека, который набирается терпения, чтобы пройти тяжёлый путь до конца.

– Мисс, взгляните, пожалуйста, на собачий язык, свисающий из коробочки на спинке кресла. Взгляните на кресло, обросшее белыми волосами. Вам это ни о чём не говорит?

– Это говорит мне о йети.

– Йети?

– Да, йети. Снежный человек. Мама часто рассказывала, что они живут высоко в снежных Альпах и прячутся от людей.

– Так, ещё раз...

Джонни набрал полную грудь воздуха.

И вдруг раздался сигнал тревоги. В салоне замигали красные тревожные лампочки, почему-то похожие на влажные собачьи носы. На радиосвязь вышел один из пилотов. Это был жизнерадостный азиат, который шутил про самолётный грохот.

– Дамы, господа и все остальные! – начал он бодрым тоном. – По техническим причинам мы вынуждены начать снижение чуть раньше обычного. Дело в том, что... да отстань ты. Тьфу. Хорошая псина, хорошая. Дело в том, что оба двигателя как-то подозрительно рычат. А я говорил вам, что знаю толк в этих вещах. Ничего страшного! Мы приземлимся на воду всего лишь в десяти милях от Кура-Кура, и остаток пути преодолеем по воде. На то он и гидроплан, вы меня понимаете. Пфу, ну уйди ты, кому говорят. Фу! Фу, я сказал...

– На кого он фукал? – спросила стюардесса, – надеюсь, не на меня. Лин – ужасный шутник. Во время последнего полёта хррррр...

– Неужели она опять уснула? – спросил Джонни Вудхауз.

– Очевидно, да, – ответил я.

– Странная, – изрёк он после минутного раздумья.

Большой щенячий язык снова облизал детектива с головы до ног.

Тот не изменился в лице. Разве что самую малость. Он сузил глаза и процедил сквозь зубы:

– У этой штуки есть выключатель, как думаешь?

– У моего питомца выключателя, например, нет.

– Кто твой питомец?

– Я зову его Снежок. Он там, на чемодане. Снежок, поздоровайся с Джонни. Джонни – частный детектив.

– Отлично, теперь весь самолёт знает. Спасибо тебе огромное...

– Меня зовут Лёша.

– Спасибо тебе огромное, Лёша.
– Не за что.
– Это был сарказм.
– Что такое сарказм?
– То, что сейчас было. Это называется сарказм.
– Не понимаю.
– Ладно. Три-четыре. Ты правда таскаешь с собой это дерево и зовёшь его Снежкой?
– Три четыре. Вам не кажется неуместным задавать такие банальные вопросы в нашей ситуации?
– Странный.
После чего Джонни Вудхауз был в четвёртый и далеко не в последний раз облизан мокрым собачьим языком. От языка несло авиатопливом.

Что до музыкантов, то они проспали это представление от начала до конца и проснулись, лишь когда самолёт сел на воду, и по неясной причине бросил притворяться лохматой собакой.

Позднее, когда другие четверо пассажиров, и мы с Джонни рассказали об этом случае музыкантам, те ответили, что у нас нет чувства юмора и малейшего уважения к воздухоплаванию.

На чемодане по-прежнему росло моё дерево. А белая шерсть и языки вросли обратно в кресла. Мы медленно приближались к конечному пункту нашего путешествия – острову Кура-Кура. Самолёт подпрыгивал на мелких волнах. Два больших поплавка уверенно держали его на воде.

Ещё чуть-чуть, и я окажусь на острове. Потом я приду к дяде и скажу: «Дядя, это я!» А он такой: «О, это ты! Как замечательно! Ты, наверное, и подарок привёз?» А я такой: «Да, привёз. Резиновые тапочки. Тапочки цвета зелёной морской волны». А он типа: «Тапочки? Неужели ты не мог придумать ничего получше? Неужели ты думаешь, что я фанат резиновых тапочек? Плыви-ка назад в Россию и притащи оттуда что-нибудь полезное». А я: «Плыть через два океана? Что-то далековато». А он: «Раньше надо было думать». Я совершенно обиделся. А я ему такой: «Но дядя...» А он: «Ну ладно, я передумал. Не плыви в Россию. Однако для искупления своей вины ты будешь съеден. На празднике, который я устрою в честь твоего приезда».

Я замотал головой. Что-то явно пошло не так в моих мыслях. Надо попробовать снова. О! Придумал. Я просто подарю своему дяде что-нибудь другое. Вот только что? Да ладно, всё что угодно будет лучше резиновых тапочек. Даже кружка с именем, написанным золотыми буквами. Хотя нет. Это ещё хуже. А что если дядя не признаёт кружек? Или тапочек? Он ведь не признаёт адресов. Что это вообще значит? Как это – не признавать адресов? Он что, не знает, где живёт?

Я крепко задумался над этим вопросом. Настолько крепко, что пришёл в себя, лишь услышав незнакомые голоса на чужом языке. Самолёт стоял в полосе приборя. Задние части его поплавков омывались водами океана, а передние упёрлись в белый песок. Загорелые рабочие перекидывали друг другу чемоданы. Мы прибыли на остров.

– Так и будешь сидеть? – поинтересовался Джонни Вудхауз, заглянув в дверь самолёта.
— Все уже вышли, сейчас мисс Спящая Красавица поведёт нас в отель. Надеюсь, там не будет усатых многоножек величиной с мою ногу.

Детектив исчез в ярких лучах тропического солнца, которое бесцеремонно врывалось в открытую дверь. Я посмотрел в грязный иллюминатор, покрытый следами высохших капель и понял, что сию секунду должен увидеть остров своими глазами, а не через замызганное полупрозрачное стекло.

В самолёт запрыгнул один из рабочих и ухватился за мой чемодан.

– Осторожнее! – воскликнул я, – не уроните Снежка.

Глава 4

Остров

Воздух, наполненный ароматами тропических цветов, был волшебен. Изящные пальмы склоняли головы над прозрачной голубой водой. Широкий пляж блестел под южным солнцем подобно белоснежной скатерти, сшитой из мириад крошечных песчинок. Вдалеке виднелся небольшой посёлок из бамбуковых хижин. Хижины жалась к тёмно-зелёной стене душных джунглей, откуда доносилось сладкоголосое пение незнакомых птиц. Немного поодаль за редкой порослью банановых деревьев угадывалась гладкая поверхность внутреннего озера. Оно искрилось и переливалось под лучами солнца. Слева от нас, там, где кончался пляж, начинались невысокие прибрежные скалы. Голубые волны океана с шумом накатывали на них и разбивались в воздухе тысячей белоснежных брызг. В глубине острова стоял угрюмый чадающий вулкан. Он, словно древний бог Океании, возвышался надо всем, будто осматривал свои владения. Да, остров был прекрасен. Чарующее волшебство жизни нашло здесь свой приют. Я был в полном восторге, а ведь я только что вылез из самолёта и толком ещё ничего не видел.

– Не задерживайтесь тут, – шепнул мне один из грузчиков.

– Почему? – спросил я.

– Она вернётся, – ответил он.

– Кто вернётся?

Грузчик нервно оглянулся и зашагал прочь.

– Странный, – сказал я.

Я посмотрел на детектива. Он стоял с закрытыми глазами и не шевелился.

– Что вы делаете?

Джонни вздрогнул.

– А, это ты? Ничего. Просто на меня до сих пор ничего не упало, хотя мы здесь уже целых десять минут.

– Я думаю, всё будет нормально, – заверил я детектива.

Самолёт лениво покачивался на волнах, которые стащили его с пляжа на мелководье. Вдалеке проступали очертания других островов архипелага. Было жарко.

Под пальмой стояла стюардесса, ухватившись для надёжности за ствол. Другие пассажиры собрались вокруг неё, обсуждая красоты острова.

– Идите сюда, – позвала нас с Джонни стюардесса, широко зевая. – Сейчас мы пойдём в гостиницу с этим джентльменом. Он проводник.

– Вам надо быть очень осторожно – объявил некий усатый мужчина в шляпе со странно обкусанными полями. Он прищурил глаза. – Пока идти по пляжу, ни с кем не разговаривайте, держитесь вместе, лучше за руки.

– Почему? – спросил я.

– На всякий случай, – ответил усач и ещё сильнее прищурился. Глаза его стали похожи на щели между молекулами. Он обвёл взглядом пляж. Его не по годам морщинистое лицо было напряжено. – Всё чисто, идти.

– Мистер... мистер, – подождите меня, – попросила стюардесса.

Мы все оглянулись.

– Нельзя медлить, – сказал усатый джентльмен. – Почему вы не идти?

– Не знаааааю, у меня не получается. Тут какая-то странная гравитация.

– Отпустите пальма.

– Но я хочу идти с пальма!

– Вам придётся отпустить пальма, иначе вы не сможете идти в гостиница.

– И правда. Я же на работе.

Покачиваясь, сонная стюардесса отделилась от пальмы и, утопая каблуками в песке, зашагала к нам.

– Глядеть в оба, – приказал мужчина с надкусанной шляпой.

И мы отправились в маленький бамбуковый посёлок на окраине джунглей. Джордж и Фред распевали песни.

– Как думаешь, Лин, – спросил второй пилот, устроившись на носу самолёта и положив руки под голову, – как думаешь, сказать им?

Он глядел вслед удаляющимся пассажирам и стюардессе.

– Думаю, не стоит, – бодро ответил Лин из-под днища самолёта. Он подкручивал расшатанные болты. – Они всё равно не поверят.

– Даже учитывая аномалии, которые мы недавно наблюдали?

– Просто люди странные, – ответил Лин. – Ничему не хотят верить, пока не станет слишком поздно.

– Но ведь ещё не слишком поздно, – возразил его напарник, – мы только-только прилетели.

– Нет, уже поздно, – ответил Лин, подойдя к левому двигателю. – Ты просто ещё не знаешь. Всё уже случилось.

Отель представлял из себя большую бамбуковую хижину с соломенной крышей. В нём было два этажа. На первом этаже располагалось небольшое кафе и холл со стойкой регистрации. Жилые номера находились на втором этаже и в небольшой пристройке позади отеля. Здание окружали пальмы, убаюкивающие своим шелестом в этот жаркий тропический день.

– Я хочу снять три номера, – сказала стюардесса толстому неприятному типу, который сидел в сумрачном душном холле за стойкой регистрации. Стойка, сделанная из какого-то почерневшего от времени комода, находилась под лестницей. Свет сюда почти не проникал.

– Сколько людей будут жить в этих номерах? – спросил неприятный тип и убил муху, севшую ему на щёку. Он спросил это тоном человека, который явно не собирается ничего делать в ближайшие несколько лет.

– Я одна, – сказала стюардесса.

– Зачем вам одной три номера? – спросил толстый тип, задумчиво растирая тело несчастной мухи между пальцев.

– Вы не понимаете, – сказала стюардесса. – Я ооооочень хочу спать. Поэтому мне три номера, пожалуйста.

– Как скажете, – проговорил толстяк, вытирая пальцы о свою замызганную рубашку.

Остальные туристы, включая группу Плавающий остров и Джонни Вудхауза, уже разошлись по номерам. В холле остались только мы со стюардессой и неприятный тип за конторкой под лестницей.

– Так и будете здесь торчать? – спросил он, услышав храп стюардессы.

– Спасибо вам! – воскликнула стюардесса, вздрогнув. – Вы не представляете, как много для меня делаете.

– Очень польщён. А теперь убирайтесь отсюда в ваши три номера.

Стюардесса развернулась. Её взгляд остановился на мне.

– Привет, мальчик, как тебя зовут?

– Мы с вами уже знакомы.

– Ах, точно, Лёша из Санкт. Как там у вас в Санктах?

– Я из Санкт-Петербурга, – поправил я, – и там по-разному. То солнце светит, то снег идёт. И всё это летом. Можно вам помочь?

– Конечно.

Я взял сумку стюардессы, похожую на толстую авоську и свой чемодан со Снежком. Мы зашагали вверх по лестнице к нашим номерам. Чемодан тяжело грохотал по ступенькам.

– Прости, что сразу не узнала тебя, – сказала стюардесса после очень долгого зевка. – Эти розовые пузыри перед глазами реально мешают видеть, с кем разговариваешь.

– Пузыри? Это от того, что вы давно не спали?

– Ага.

– Я тоже не прочь поспать. Эти перелёты очень утомительны.

– Да, особенно когда самолёт начинает превращаться в собаку, а ты ничего не можешь с этим поделать, – сказала стюардесса, зевая.

– Так вы заметили?

– Что заметила?

– Ну, это. Кресла, обросшие шерстью...

– Чего только не приснится.

– Но это был не сон!

Мы поднялись на второй этаж и свернули в коридор.

– Меня зовут Анна Мелати, – сказала стюардесса, улыбнувшись. – Если что – зови на помощь!

– Вам надо отдохнуть, – сказал я.

– Мне нельзя отдыхать, – вздохнула стюардесса. – У меня важные дела.

– Прямо как у детектива, – сказал я.

– Прямо как у детектива, – эхом повторила стюардесса. – Что?

– Но вы заказали сразу три номера.

– Правда? Наверное, это была минутная слабость.

– Вы надолго тут останетесь? – спросил я Анну, – в смысле, на острове.

– До тех пор, пока не разберусь с делами. Я договорилась.

– Я тоже здесь по делу, – заявил я не без гордости. – У меня очень важное поручение. Хотя оно и кажется мне глупым.

– Важные вещи часто кажутся глупыми, – ответила стюардесса, прислонившись к бамбуковой стене. Над её головой висела картинка с курицей, склеенная из кукурузных зёрен.

– А всякие пустяки порой кажутся нам катастрофой. Мы, люди, очень странные.

– Наверное, – сказал я.

– Ну, я пошла. Ещё увидимся, Лёша из Санкт-Петербурга.

– Рад был с вами познакомиться, – сказал я.

Я вернул стюардессе её авоську, и она направилась к своим трём номерам по коридору, отделанному бамбуком.

И вдруг я вспомнил.

– Вы из Англии? – крикнул я ей.

– Нет, я из южной Франции, – ответила она, придерживаясь за стену.

– Понятно.

Я покатил свой чемодан в другую сторону. В коридоре приятно пахло сандалом.

– Какой невежливый тут народ, – услышал я голос Джорджа, проходя мимо его номера.

– Да, этот администратор выглядит так, будто съел своего предшественника, не пережёвывая, – отвечал ему Питер, другой музыкант.

– Питер, ты, кажется, тоже становишься невежливым. Надеюсь, ты не собираешься нас съесть?

– Я об этом подумаю. Интересно, они здесь уже отменили каннибализм или пока сомневаются?

Я зашёл в свою комнату.

– Отлично, – подумал я. – Сейчас разберу чемодан и пойду гулять. Хотя, чемодан можно и не разбирать.

Я зевнул. Затем отстегнул от чемодана горшок со Снежком и поставил его на приземистую тумбочку у окна. Мебели в комнате было немного – вот эта тумбочка и высокая кровать. Я забрался на кровать и мгновенно уснул.

Я шёл по песчаному пляжу вдоль тёмной стены джунглей. Я шёл очень долго, и отель остался далеко позади.

– А мне думалось, что этот остров не такой уж большой, – сказал я. – Иду уже целую вечность, а обойти джунгли всё не могу.

– Вечность, – раздался чей-то голос. – Берегись вечности и тьмы...

Я быстро оглянулся. Рядом никого не было. Только листва джунглей шелестела в потоках лёгкого бриза.

– Тут кто-то есть? – спросил я.

Вдруг из тёмной душной глубины джунглей донеслось шуршание. Затрещали сухие ветки, и из-за деревьев выглянула голова, надёжно скрытая от солнца чёрным капюшоном. Затем показалось остальное тело, которое было упрятано в чёрный потрёпанный балахон погребального вида.

Фигура нерешительно потопталась на месте, потом вытащила из складок одеяния какой-то круглый предмет и неуклюже повертела его в руках, будто впервые видела. Потом фигура сказала:

– Мальчик?

Тон фигуры был странно неопределённым, и я не понял, было ли это утверждение, вопрос или обращение.

– Дааа, – протянул я сразу во всех смыслах.

– Мальчик, тебе часом не нужен эустилиус? У меня тут завалился один, и я больше не знаю, что мне с ним делать.

Голос у фигуры был довольно высокий, но хрипловатый. Фигура растягивала гласные в самых неподходящих местах. Её ветхое чёрное одеяние трепетало в затихшем воздухе подобно кусочкам невесомой золы.

– Эээ, эустилиус? Я не знаю, что это такое.

– Так и должно быть. Если бы ты знал, что это такое, то не смог бы им воспользоваться. Я, к сожалению, знаю, и поэтому больше не могу им воспользоваться. Так ты его возьмёшь или нет?

Мне чертовски захотелось взять эустилиус, чем бы он там ни был. Я сказал:

– Вы какой-то подозрительный.

Фигура неопределённо потрясла плечами, а потом согнула и разогнула одну ногу. Если в этом и был какой-то смысл, то я его не понял.

– Тут что ни существо – то подозрительная личность. Это нормально. У них очень странные представления о нормальности. Кстати, я – Главный Злодей.

Я стал размышлять, стоит ли принимать подарки от Главного Злодея. Да ещё какие-то странные подарки неопределённого свойства. Чёрные лохмотья моего собеседника парили в воздухе, подобно щупальцам медузы. Хотя ветер уже затих.

Наконец, я решил, что да, пожалуй, стоит. Я приму подарок, и это будет очень мудрое решение. Неожиданный ход.

Я подошёл к Главному Злодею и взял у него эустилиус. Предмет оказался гладким, круглым и тяжёлым. По размеру – чуть больше теннисного мяча. Он был испещрён какими-то странными узорами и от него исходил холод.

– Спасибо, – сказал я Главному Злодею.

– Напёрсток, – сказал Главный Злодей.

– Что? – спросил я.

– Пожалуйста, – поправился он, – всё время путаюсь в этой белой колеснице.

– Околесице? – предположил я.

– Нет, это джунгли.

– Я знаю.

– Я творю.

– Вам не жарко в этой одежде?

– Очевидно, мне должно быть жарко, но кто их разберёт. Придумывают всякие нелепые правила.

– Кто?

– Что ты дашь мне взамен эустилиуса?

– А я должен что-то дать взамен?

Его голос стал вкрадчивым.

– Да, – прошептал он. – Я бы взял тапочки, которые ты везёшь своему дяде Кларку.

– Откуда вы знаете?

– А вместо них ты подаришь ему эустилиус, волшебный и загадочный предмет. Ну, или что-нибудь другое.

Я решил, что это чертовски хорошая идея. Лишь бы мама не узнала. Лично я бы не обрадовался, если бы кто-то подарил мне тапочки. И ей стоило подумать об этом заранее. Я вручил шкатулку с тапочками Главному Злодею.

– Пока, – сказал он. – Мне пора вернуться ужасные и коварные злодеяния. Будь счастлив.

Главный Злодей сунул шкатулку под мышку и повернулся спиной.

– Ещё кое-что. Ты разве не заметил?

– Чего не заметил? – спросил я.

– Тучи сгущаются.

Я посмотрел на небо. Из-за горизонта, подобно рукам мертвеца, тянулись мрачные тяжёлые облака.

– Будет гроза, – сказал человек в чёрной хламиде и скрылся в кустах. Снова послышался треск сломанных веток, шелест листы. Потом шаги. Шелест листы. Потом целый хор сломанных веток. Краткое проклятие. Шелест листы. Испуганное хлопанье крыльев. Недовольное хрюканье. Шаги. Шелест листы. Удивлённый вскрик. Звуки борьбы. Хрюканье, которое медленно переходит в мелодию из одного сплошного хрюка и неожиданно завершается чирканьем. Хлопанье в ладоши. Краткое проклятие. Шаги. Шелест листы. Хруст ветки...

Я снова посмотрел на небо, и мне стало не по себе. Небо над горизонтом сделалось серополосатым. Я понял, что там идёт дождь. На горизонте блеснули странные фиолетовые молнии. И небо разразилось чудовищным громом. Вздогнула земля. Задул ветер. Гроза двигалась сюда. Снова ударил гром. И снова, и снова. И вдруг гром превратился в голос Главного Злодея.

– Грррхмммм... Тебе известно, что ты спишь? – спросил он.

Я очнулся в своём номере. Яркое полуденное солнце светило в окно. Оно изменило своё положение на небе, и теперь яркий свет падал на Снежка.

– Ну и сон же мне приснился, – сообщил я Снежку, переставляя его в тень. – Как будто я обменял подарок для дяди Кларка на какой-то эустилиус.

Я усмехнулся и хлопнул себя по бокам.

Что это?

У меня явно что-то лежало в кармане. Что-то тяжёлое. Медленно, осторожно, я сунул руку в карман. Пальцы коснулись холодного металла. Я различил тонкие прорезы на его поверхности.

Затаив дыхание, я держал в руке что-то круглое и холодное. Потом я глубоко вдохнул и вытащил предмет из кармана. Я уставился на него, чувствуя, как ускользает реальность. Это был он. Это был эустилиус, который мне дал тот человек во сне. Во сне! И теперь этот предмет здесь.

Металл блестел в лучах солнца, а замысловатые узоры, покрывающие его бока, отражали свет под другим углом и ярко переливались.

– Невероятно, – прошептал я. – Как такое возможно?

Я долго разглядывал шар. Он был очень красивым. Наконец, до меня дошло.

– Если эустилиус у меня, значит...

Я бросился к чемодану, клацнул защёлками. Чемодан с силой распахнулся, фонтаном извергнув своё содержимое. Я принялся рыться в вещах. Одежда, краски, альбом для рисования, зубная паста, тарелка с изображением Петергофа для аборигенов, скейтборд, складной зонт, моток медной проволоки, мешок со столярными инструментами, удочка, укулеле, коллекция трилобитов, надувной круг, связка комиксов, полотенце, шесть кружек с видами Петербурга... Шкатулки с тапочками среди них не было.

– Невозможно, – повторял я, – невозможно.

Я сгрёб все свои вещи в чемодан, но он, разумеется, уже не смог закрыться. Было два часа пополудни. – Этого не может быть, – бормотал я, спускаясь в тёмный холл, освещённый лишь парой полосок света, которые как-то сумели просочиться снаружи. – Этого не может быть.

– Что ты здесь делаешь? – спросил меня человек за стойкой регистрации. Я вздрогнул.

– Я? Что я здесь делаю?

– Да, ты. Больше здесь никого нет. Потому что нормальные люди во время сиесты лежат в гамаках и потягивают кокосовое молоко. Только ненормальный будет шляться в такую жару.

– Но тут довольно прохладно.

– Поэтому я тут и сижу. Так чего ты шляешься?

– Хороший вопрос. Мне надо подумать, прежде чем я смогу вам на него ответить.

– Думай в другом месте, надоедливый мальчишка. Хватит тут шататься. И чего вы шатаетесь?

– А кто ещё шатается?

– Другая ненормальная. Похоже, у неё не все дома. Так что, иди-ка ты к себе наверх и не показывайся до ужина.

– Точно! – воскликнул я. – Отличная идея. Вы не представляете, что вы для меня сделали.

Я понял, что мне нужно найти детектива и всё ему рассказать. Он наверняка мне поверит. Я взбежал вверх по лестнице. Неприветливый администратор удивлённо почёсывал толстый подбородок.

– Джонни?

В ответ тишина.

– Джонни, это я!

В ответ храп.

– Джонни Вудхауз! Мне нужна ваша помощь!

Я приложил ухо к двери.

Поскрипывание пружин кровати, шебуршание, зевание, неровный храп.

– Вот облом!

Я направился к номерам, в которых остановились музыканты.

– Джордж! Фред!

Ответом мне был мелодичный храп. Потом тишина.

Я постучал ещё в пару номеров и пришёл к выводу, что все спят и никто, решительно никто не собирается мне помочь. Я присел на корточки и прислонился спиной к бамбуковой стене коридора. Итак, наяву или во сне, но я потерял подарок для дяди Кларка. Родители говорили, что это важно. И сейчас мне почему-то кажется, что они не шутили. Но почему это было важно? Тапочки. Из супермаркета. Зелёные. Что в них такого особенного? Может быть, это

какой-то тайный знак? Или это ничего не значит, и родители просто надо мной издеваются? Как ещё это понимать? И как понимать тот факт, что теперь у меня есть эта штуковина? Я вытащил из кармана эустилиус. Предмет, полученный во сне. Теперь я держу его в руках наяву. Хорошо. На секунду представим, что это действительно случилось. Но что мне с ним делать? Что это вообще такое? Я снова стал разглядывать эустилиус. Узоры на его поверхности были приятны глазу, но в то же время от них исходило какое-то пугающее безразличие. Как будто сам холод бесконечной Вселенной сочился сквозь эти странные узоры. Я вдруг понял, что меня уносит в какие-то невысказанные дали, и я вот-вот потеряю сознание. Я быстро сунул эустилиус в карман.

– Этого не может быть, – сказал я.

– Чего не может быть? – услышал я голос стюардессы.

Анна стояла прямо передо мной со стаканом сока. Она сменила форму стюардессы на красивое белое платье.

– Простите, я вас не заметил.

– Ничего. Иногда я сама себя не замечаю.

Она улыбнулась.

– Хочешь соку?

– Спасибо, очень хочу.

Она протянула мне стакан.

– Думаю, мне уже хватит, – сказала она, – а то я лопну, как дирижабль Гинденбург.

Это оказался ананасовый сок.

– Что-то стряслось? Я слышала, как ты зовёшь на помощь.

Я задумался.

– Не уверен, стряслось ли это на самом деле. Но, по-моему, да. Мне приснился странный сон. И там всё было такое реальное...

– Что ты видел? – спросила стюардесса. Кажется, её заинтересовали мои слова.

Я пересказал ей свой сон, и она внимательно выслушала, даже ни разу не зевнув.

– Можешь показать?

Я аккуратно вытащил из кармана загадочный предмет.

Она уставилась на него и долго смотрела.

– Он определённо из сна, – заключила она.

– Как вы узнали?

– У меня есть опыт в таких вещах. Он сказал, что надвигается гроза?

– Да.

– Как выглядел тот человек?

Я описал.

– Только он скрывал своё лицо под капюшоном. И эти его странные жесты...

– Никогда раньше с ним не встречалась.

– Даже во сне?

– Даже во сне.

– Но что всё это значит?

– Я не знаю. Но я точно знаю, что если сейчас не выйду на воздух, то рухну прямо здесь и просплю до следующего тысячелетия. Хочешь со мной прогуляться?

– Отличная идея, – обрадовался я, – как раз собирался отправиться на прогулку. Перед тем как уснул.

– В холле есть широкие мексиканские шляпы для защиты от солнца. Пошли, возьмём парочку.

И мы заторопились вниз по лестнице.

Глава 5

Приключение начинается

– Твоему растению нужно больше тени, – посоветовала стюардесса, – для дуба здесь слишком яркое солнце. Мы ведь теперь в тропиках.

Мы шли по пляжу, утопая ногами в горячем песке. В своих огромных сомбреро мы были похожи на два странных гриба. Мы направляясь к берегу.

– Мне кажется... – начал я, – нет, это просто предположение. По-моему, в мою шляпу встроены вентиляторы.

– В мою тоже. Интересно, кто это додумался?

– Полагаю, очень хороший человек, – сказал я, нажав на выключатель, свисающий из-под поля шляпы. Макушка стала приятно охлаждаться.

Остров был неправдоподобно красив. Чистое голубое небо обнимало собой этот великолепный маленький рай. Повсюду росли удивительные деревья и цветы. Нам то и дело попадались маленькие шалаши-беседки, где можно отдохнуть от полуденного зноя. В воздухе витали сотни незнакомых удивительных запахов. Вдалеке, затянутый синевой, громоздился вулкан.

Мы с Анной остановились в полосе прибоя. Ноги по щиколотку утонули в мокром песке и прохладных волнах.

– Мне нравится это место, – сказала Анна.

Вдруг она покачнулась и упала.

– Что с вами? – воскликнул я.

– Всё хорошо, Лёша. Я в порядке.

Она уже поднималась на ноги, отряхивая своё белое платье от песка.

– Скажите честно, сколько вы не спали?

Она покачала головой.

– И какие у вас дела на этом острове? Я никому не расскажу, обещаю.

– Ладно. Идём к тем шезлонгам. Посидим под зонтом.

Мы дошли до середины пляжа, где собралось целое стадо пустых лежаков. На пляже кроме нас никого не было. Стояла жара.

– Думаю, я знаю, почему администратор посоветовал нам не шляться по пляжу в такое время. Действительно, очень жарко.

Мы присели на шезлонг.

Анна склонила голову к коленям и вдруг подскочила.

– Кто-то должен всё узнать, – проговорила она, перемежая слова и зевоту. – Пока не стало слишком поздно. Мне жаль, что этим кем-то оказался ты. Ты ещё слишком молод.

– Я справлюсь, – заверил я Анну.

– Я ищу кое-кого. На этом острове.

– Кого?

Она прикрыла глаза.

– Мою дочь.

– У вас есть дочь?

– Да. И она потерялась здесь пару недель назад. Я прилетела, чтобы разыскать её. В тот раз произошло что-то странное. Я до сих пор не могу этого объяснить. Мы гуляли с Ритой по пляжу, и вдруг поднялась песчаная буря. Странно, правда? Здесь же не пустыня. А потом...

А потом я обнаружила себя во Франции, дома. Ты хотел знать, почему я не сплю. Так вот. Это потому. Что...

Анна не открывала глаз. Её голова медленно опускалась на колени.

– Прости. Ты должен беречь... себя. Потому что я...

– Анна, пожалуйста, нет. Держись.

– Потому что я вырубаюсь. Увидимся... через... тысячу лет. Аревуар.

Она упала на шезлонг. Её сомбреро покатило по песку. Каштановые волосы разметались по белому пластику.

– Анна, – позвал я.

На этот раз она не проснулась, как обычно. Она спала крепким глубоким сном.

– Надо позвать кого-то на помощь, – решил я. – Нельзя ей тысячу лет спать на такой жаре.

Земля под ногами вздрогнула. Птицы, только что мягко парившие над джунглями, исчезли в ветвях и затихли. «Бум!» – ещё один глухой толчок сотряс землю. Я невольно бросил взгляд на дымящийся вулкан, который стоял над джунглями. Он дымился точно так же, как и раньше. Ничего необычного. Просто тонкая струйка дыма.

«Бум!»

Удары становились всё тяжелее и ощутимей. Мне вспомнились слова Джонни Вудхауза: «Куда бы я ни приехал, там сразу начинается ураган, землетрясение, извержение вулкана или война».

Я почувствовал себя одиноким. Словно крошечная букашка, брошенная на огромную тарелку под названием Мир. На этой тарелке помещаются континенты и океаны, над головой – бездонное голубое небо, а я – лишь букашка, до которой никому нет дела. Даже дяде Кларку. Даже родителям. И Анна не сможет помочь. Это я должен помочь ей.

«Бум!»

От этого удара всколыхнулись листья на пальмах.

«БУММ!!!»

Удары становились всё мощнее и чаще. С каждым новым ударом земля тряслась всё сильнее. И вдруг всё стихло. Ощувив на затылке тяжёлое горячее дыхание, я обернулся. Нечто огромное возвышалось надо мной, загородив пол мира.

Тем временем, на другой стороне Земли, в одном из многочисленных баров Пуэрто-Рико проснулся человек. С трудом разлепив глаза, и ещё не вполне осознавая, где находится, он потрогал многодневную жёсткую щетину. Щетина оказалась такой жёсткой, что ей можно было шлифовать доски. Разлепив глаза ещё на четверть микродюйма, человек отметил, что в помещении слишком мало света. Вскоре подключились и другие органы чувств, которые дали ему понять, что кроме всего прочего, здесь душно, накурено и вообще плохо пахнет. К лицу при-

липла прядь длинных светлых волос, мокрых от пота и какой-то едкой жидкости. Он попытался убрать волосы со лба, но почувствовал сопротивление. Кто-то держал его за руки.

– Родриго! – услышал он хриплый неприятный голос у себя за спиной, – он оклемался!

– Дышит?

– Дай посмотрю. Да, дышит. И вылупился на меня так, будто видит в первый раз. Грязный, лживый подонок!

– Тащи его обратно к бочке.

– Да, босс.

– Пр.. попр..

Человек пытался выразить свою мысль, но губы плохо слушались.

– Он чего-то шепчет, босс. Может, у него, наконец, развязался язык? Или в бочку его?

– Нет, погоди. Я хочу услышать, что он придумал на этот раз.

Человек почувствовал, что его руки освободились. Он свалился на колени и упёрся в пол. Светлые волосы упали на мокрые доски, от которых разило чем-то едким и неприятным. У него кружилась голова.

– Я... я... – человек откашлялся, – я рад, что вы хотите со мной говорить.

– Не мути воду, Билли, – сказал человек в белом костюме, Родриго. – Говори прямо и по делу. Тогда твоя смерть будет быстрой.

– Смерть? – удивился человек. Он поднял лицо и обвёл присутствующих открытым доверчивым взглядом. Потом закашлялся. – Кх, кхх... Господа, я всего-навсего хотел узнать, какое это измерение: УТН шестьдесят два или УП сто двадцать четыре зет? Видите ли, они очень похожи, хотя и значатся под разными индексами. И будьте добры, скажите, как называется ваш мир. Это планета или нечто более сложное? Одно из перепутанных замкнутых пространств континуума, или турбовытяжной обратимый поток временных парадоксов? Простите моё невежество, я здесь впервые.

В баре повисла гнетущая тишина. Погасла и снова засветилась бледная полоска лунного света на потолке – мимо бара проехал джип.

– Может, просто убьём его, босс? – спросил верзила с хриплым голосом. – Похоже, у него от попыток крыша, малость, того.

– Ты думаешь играть со мной в игры, Билли? – Родриго присел на стул, который за секунду до этого поставил перед ним один из бандитов. Он навис над светловолосым человеком как скала над яблоней.

Человек откинул со лба волосы и ещё раз оглядел присутствующих. На этот раз уже более внимательно. Бандиты занервничали. Взгляд этот резал, как стекло и причинял странное неудобство.

– Ах, кажется, я, наконец, понял, куда попал. Святые эустилиусы, ну и везёт же мне!

Не успев ничего понять, сеньор, которого звали Родриго, оказался вдруг на мокром вонючем полу. Он обнаружил свои руки завязанными в тугий узел за спиной. Он так же успел заметить, как Моралес, безмозглый головорез, его правая рука, исчезает внутри стены, ошестинившейся обломками, как при взрыве динамитной шашки. Двое других его людей издали полный ужаса вопль, который вдруг резко оборвался.

Звякнуло стекло.

– А этот ваш Билли, он вам чем-то насолил, да? – спросил человек, перед тем как выпить разом целую бутылку газированной воды.

– Что ты со мной сделал? – прохрипел Родриго, недоумевая, как его старые руки могли сложиться в столь замысловатую фигуру у него за спиной.

– Странная у вас вода, – сказал человек со светлыми волосами, вытирая губы салфеткой.

– Клянусь, Билл, – у Родриго изо рта летели слюни, – клянусь могилой моего отца, я выкопаю тебя из любой дыры, в которую ты вздумаешь запрятаться, я...

– Я не Билл, – сказал человек со светлыми волосами. – И ещё. Двое ваших приятелей живы-здоровы, если вы об этом волновались. Хотя насчёт «здоровы» я бы с собой поспорил. Ну, до свидания. Не скучайте тут без меня!

И человек со светлыми волосами вышел из бара на ночные улицы Пуэрто-Рико, угостив перед этим напуганного до полусмерти бармена за счёт Билли. Он не знал, что Билли задолжал Родриго очень крупную сумму денег. Впрочем, теперь это неважно.

Надо мной громоздилось нечто, которое я вначале принял за тучу, упавшую с неба.

Однако, у этой тучи были кривые костлявые лапы с устрашающими когтями. Выше лап начиналось что-то чёрное. Я присмотрелся внимательней. Оно было очень большое, и его покрывали гигантские пластины чёрной чешуи, которая отливала на солнце металлическим блеском. Затем я осознал, что это не чешуя, а громадные перья, каждое размером с окно.

Мой взгляд поднялся выше и остановился на верхушке этого нечто. Верхушка состояла из птичьей головы. Уродливой глупой головы с опасным клювом. Из ноздрей вырывалось пламя. Над клювом по обеим сторонам головы располагались маленькие чёрные глаза, налитые тупой злобой и немного косые. Чудовище выгнуло свою металлическую грудь и распростёрло над оставшимся миром два гигантских полотнища, которые служили ему крыльями. Существо взмахнуло крыльями, подняв настоящий ураган. Порывом ветра меня отбросило назад. Я упал на спину, потерял шляпу с вентилятором, и в глаза мне попал песок. Чудовище снова взмахнуло крыльями, и из его горла вырвался звук, похожий на металлический раскат грома, смешанный с кашлем. Голос чудовища был подобен тысяче простуженных гроз.

Но я различил в этом голосе странно знакомые интонации. Чудовище наклонило свою массивную голову и посмотрело на меня одним глазом, в котором сверкнул огонёк безумия.

Это была курица!

Это была самая обыкновенная, заурядная курица. Размером с небоскрёб. И с огнём в ноздрях. И с железными перьями. Ладно, не самая обыкновенная.

– Эй, – попросил я, вставая на ноги, – будьте так любезны...

– Молчать! – закричала гигантская курица, и пальмы на краю джунглей всколыхнулись, словно под натиском свирепой бури.

Анна Мелати спала на шезлонге прямо между мной и чудовищем.

– Моими славными предками были динозавры! – закричала курица.

Глаза её вращались в разных направлениях. Что до её заявления, думаю, своими размерами курица многократно превосходила даже самых крупных динозавров.

Меня возмутило столь грубое обращение.

– Похоже, вы слишком много о себе возомнили... – начал я.

Курица толкнула меня своей отвратительной ногой, и я снова оказался на песке.

– Все должны подчиняться правилам, – закричала она. – Ты – один из всех, значит ты должен подчиняться правилам. Правило такое: птица видит человека. Птица съедает человека.

– Чего? – спросил я, не зная, чему больше удивляться – огромности курицы или её наглости.

– Я сейчас съем вас обоих! – закричала курица (как же мне надоели её мерзкие крики).

Куриные ноздри полыхнули огнём, и чудовище разверзло клюв, готовясь проглотить нас с Анной.

– Пойдите, – сказал я дрожащим голосом, – давайте разберёмся в этой ситуации, как взрослые люди.

Я трясся от страха, но старался не подавать вида, как научил меня Джонни Вудхауз.

Курица, очевидно, имела свои представления о том, как решают проблемы взрослые люди. Я вовремя отскочил в сторону, и еле увернулся от её массивного клюва.

– Давайте договоримся! – воскликнул я, уворачиваясь от нового разрушительного удара.

Фонтан песка взмыл в небо совсем рядом с Анной.

– Я могу быть вам полезен! – закричал я.

Чудовище замерло в нерешительности.

– Ты должен подчиняться правилам, как все – закричало оно, – ты ничем не лучше остальных и будешь съеден вместе со своей подружкой.

Я понял, что она целится в Анну, и сейчас нанесёт удар своим огромным клювом.

– Я сделаю для вас то, чего вы больше всего хотите!

Нового удара не последовало.

– А ты... – глаза курицы сверкнули колючей злобой. – А ты наглый мальчишка. Я этого не люблю.

– Я сделаю то, чего вы больше всего хотите! – повторил я, – только оставьте нас в живых. Пожалуйста.

Мне показалось, что курица ехидно улыбается.

– А как ты это сделаешь?

– Как скажете, так и сделаю.

Курица мотнула головой.

– Есть одно дело, – вскрикнула она. – Принеси мне арбуз!

И она снова атаковала. Я снова увернулся. По-моему, это очень странный способ вести переговоры.

– Но у меня нет арбузов! – воскликнул я, – как-то не подумал об этом, собираясь в путешествие.

Курица посмотрела на меня одним глазом. Очень-очень злобным глазом. Едким и колючим злобным глазом.

– Нужен арбуз, который растёт на вершине вулкана. Принеси его, или я вас обоих съем!

Я понял, что она снова целится в меня.

– Хорошо! Хорошо! – закричал я, – хватит нападать, мы же договорились!

Но курица бросилась на меня. А я бросился от неё. Мы бежали по пляжу, взрывая песок. Перепрыгивая через лежаки, я бежал к тенистым джунглям.

Я влетел под деревья. За спиной раздался оглушительный треск. Это курица ломилась через густую поросль.

Я спрятался за толстый ствол какого-то дерева.

– Надо обхитрить эту тварь, – думал я, – нужно вернуться на пляж и забрать оттуда Анну, пока курица до неё не добралась. Сейчас самое время.

И тогда я услышал громоподобный голос курицы:

– Отправляйся за арбузом, наглый мальчишка, а твоя подружка побудет у меня.

Я замер. Тяжёлые шаги удалялись. Тогда я бросился назад. Выбежав из джунглей, я увидел, что курица подняла своим массивным клювом шезлонг, на котором спала Анна Мелати и широкими шагами побежала прочь.

– Вернись! – закричал я и бросился в погоню.

На этот раз курица бежала очень быстро. Она перемахнула через прибрежные скалы и исчезла из виду.

– Арбуз! – донеслось до меня, – или твоя подружка умрёт.

Я стоял посреди пляжа, не веря своим глазам. Анну Мелати похитила гигантская курица с железными перьями.

– Может, это тоже сон? – подумал я. Больно ущипнул себя за руку. Попытался взлететь. Безрезультатно. Значит, я не сплю. С трудом соображая, что делаю, я зашагал в джунгли. Я шёл среди влажных лиан, пальм и причудливых деревьев, не разбирая дороги. Я направлялся к вулкану. Это всё, о чём я мог думать. Перед глазами стояло омерзительное крылатое чудовище. Оно держало в клюве беззащитную стюардессу.

Я шёл некоторое время, натываясь на пни и кусты и пытаюсь осознать случившееся.

А потом на меня напал лев.

Всё произошло стремительно. От неожиданности я споткнулся о кривой корень и растянулся на земле. Я увидел своего противника. Это был самый настоящий лев. С хвостом, косматой гривой и острыми клыками. Он грозно мяукнул и принялся царапать мою ногу. Он был размером с котёнка.

– Брысь, – сказал я беззлобно и слегка наподдал ему ногой.

Крошечный лев замер и угрожающе замыкал во всю силу своих крошечных лёгких.

– Тебе не страшно, смертный? – спросил он тонким смешным голоском.

Я не удержался и захохотал.

– Эй, прекрати сейчас же, – приказал Лев.

– Нет, это ты прекрати, – сказал я Льву, покатываясь со смеху. Оценив ситуацию, я добавил: – И впредь веди себя прилично.

Лев метнул на меня свирепый взгляд.

– Как смеешь ты насмеяться над царём острова?

Едва сдерживаясь, чтобы опять не засмеяться, я смахнул слезу и повторил:

– Царём острова? Серьёзно?

Лев предостерегающе мяукнул.

– Я – Лев, царь этих джунглей и этого острова. А ты – жалкий приспешник моего смертельного врага. Ты вторгся в мои владения, и за это будешь наказан. Я тебя съем.

– Приспешник? – переспросил я.

– Ты всегда повторяешь за собеседником? – нагло спросил Лев.

– Если вы о сумасшедшей курице...

Тут Лев опять разразился мяуканьем и стал ходить кругами, словно запертый в клетке.

– Если вы о сумасшедшей курице, то я ей не приспешник. Я просто пообещал ей одну вещь, чтобы спасти подругу.

– Что ты ей пообещал? – возопил Лев, – что?

– О, она попросила меня раздобыть арбуз.

Лев взревел. Ну, взревел, это сильно сказано, скорее запищал громче обычного.

– Где растёт этот арбуз? Говори, смертный. Скорее, говори!

– На вулкане, – ответил я.

– Ох, эта безумная курица! – пробормотал Лев, – с помощью арбузов она крадёт мой размер.

– Твой что? – переспросил я. Если бы в этот момент я что-то ел, точно бы подавился.

– Мой размер. Мою силу. Раньше я был величиной с дом. Я охранял эти джунгли, и все меня боялись. А теперь...

Крошечный Лев перестал нарезать круги и опустил голову.

– Было семь волшебных арбузов. Они появились на острове внезапно. Стоило курице съесть один из них, и моя сила каким-то необъяснимым образом переходила к ней. С каждым арбузом курица росла, а я уменьшался. Это было невыносимо. Остался последний арбуз и, если она его съест, то я просто исчезну.

– Вот это да, – только и сказал я.

– Но теперь я знаю, где находится последний арбуз. Я должен до него добраться раньше курицы, иначе гордость, храбрость и честь навсегда покинут эту землю, уступив место трусости, коварству, лени и безумию. Ты поможешь мне достать арбуз и одолеть курицу...

– Но я должен отдать ей арбуз, чтобы она не съела Анну Мелати!

Лев нахмурился.

– Если мы спасём остров от курицы, то она уже никого не съест. Ты готов побороться за справедливость?

– Я... эээ... за справедливость? Мне надо подумать. Это так неожиданно.

– Думай быстрее, пожалуйста.

– Ты хотел меня съесть.

– Я передумал.

– О, так я теперь в безопасности? – съехидничал я, глядя на Льва сверху вниз.

Лев взвёл очи горе.

– Это не смешно – сказал он своим писклявым голосом.

– Хорошо, – сказал я, с трудом удерживаясь от смеха, – я помогу тебе. Это всё же лучше, чем идти на поводу у чокнутой курицы.

– Поможешь? – спросил Лев.

– А ты всегда повторяешь за собеседником? – усмехнулся я.

– Отлично, – сказал Лев. – Идём. Только, будь добр, сотри с лица эту идиотскую ухмылку.

Мы шли под сенью тропических деревьев с толстыми мясистыми листьями. Высоко в кронах деревьев пели птицы. Под ногами суетилась всякая мелкая живность. Иногда в листе можно было увидеть ленивых змей.

– Я не смогу забраться на вулкан в моём нынешнем плачевном состоянии, – сказал Лев. – А ты сможешь?

– Я ещё никогда не взбирался на вулканы, – ответил я, – но, думаю, в этом нет ничего сложного. Конечно, смогу.

Двое пилотов спасались от жары под днищем самолёта, который стоял на якоре недалеко от берега. У самых их ног суетились мелкие блестящие рыбёшки. Иногда мимо проползал какой-нибудь краб. Второй пилот потягивал апельсиновый сок через трубочку, лёжа в середине надувной резиновой лодки, похожей на жёлтую уточку. Лин чинил какую-то штукювину в месте соединения поплавка с фюзеляжем.

– Ты это видел? – спросил его второй пилот.

– Ты имеешь в виду гигантского цыплёнка, который носился по пляжу и похитил Анну?

– Да, именно это я имею в виду.

– Разумеется, видел.

Лин продолжал возиться с железками.

– Ну и?

– Что?

– Мы разве не поможем? Не вмешаемся?

– Это не наше дело.

– Но ведь это Анна. Мы её знаем.

Лин покачал головой.

– Когда ты, наконец, поймёшь? Уже слишком поздно. Мы не в силах ничего исправить.

– Сейчас без пятнадцати четыре. Ещё не слишком поздно.

– Ха-ха-ха, – сказал Лин. – Очень смешной юмор. Если хочешь сразаться с великим цыплёнком – давай. Ну, чего же ты растерялся? Я тебя не держу.

– Цыплёнок выглядел довольно угрожающе, – пробормотал второй пилот, – думается, опасно идти туда в одиночку.

– Так ты трусил? – поинтересовался Лин, не отрываясь от работы.

– Я должен обдумать план.

– Ну, обдумывай, – усмехнулся Лин, вытирая руки о промасленную тряпку.

Второй пилот поджал губы и продолжил глупо болтаться в своей лодке, похожей на уточку.

Мы с карликовым Львом вышли из джунглей прямо к подножию вулкана. Взглянув на огненную громаду, я сразу пожалел о своих словах. Это была невероятно высокая круча, гора из сплавленных воедино камней, по которой кое-где даже текли реки раскалённой лавы.

Где-то далеко раздался дикий, леденящий душу крик курицы. Десятки птиц снялись с ветвей и устремились в дальнюю часть острова, огибая вулкан.

– Точно сможешь? – спросил Лев.

– Точно, – сказал я, серьёзно в этом сомневаясь. – Полезай ко мне в карман.

Лев посмотрел на меня так, будто на носу у меня росли груши.

– Я? Царь острова? К тебе в карман?

– Именно так я и сказал. Ко мне в карман. Думал, я тебя на руках понесу? Здесь довольно крутой склон, и мои руки должны быть свободны.

Лев фыркнул и отвернулся.

– Залезай, или так и останешься котёнком.

Бурча себе под нос, Лев всё же забрался в карман. Я вдохнул поглубже, и зашагал к вулкану, совершенно ни в чём не уверенный.

Подъём оказался не из лёгких. К тому же было очень жарко. Очень. Пару раз я чуть не сорвался от усталости, но в последний момент мне удавалось схватиться за какой-нибудь горячий камень. Лев подсказывал мне из кармана, куда лучше ставить ногу на особенно крутых участках пути. От этого я путался и тоже пару раз чуть не сорвался. Я ненавязчиво намекнул Льву, что если он продолжит лезть с советами, то кое-кто мохнатый и хвостатый останется жить над обрывом. Лев заткнулся.

Грязный, уставший, с ободранными ладонями, весь в саже и копоти, с карликовым Львом в кармане, я из последних сил подтянулся и втащил себя на верхушку вулкана.

– Надо же, – усмехнулся я, растянувшись на горячей земле, – карликовый Лев, гигантская курица, волшебные арбузы. А я удивлялся какому-то шарiku из сновидения. Надо же...

Я огляделся. В нескольких метрах булькала горячая магма, превращая воздух в дыхание ада. Перед глазами плыло раскалённое марево. Горячий воздух дрожал, искажая действительность.

Лев высунул голову из кармана.

– Ты где-нибудь видишь арбуз? – спросил я.

– Да, вижу! На той стороне кратера.

Откуда-то снизу раздалось квохтание гигантской курицы. Лев понюхал горячий воздух.

– Она приближается, – заключил он. – Идём. Быстрее.

Он выпрыгнул из кармана и побежал по дымящимся камням вокруг кратера. Я поспешил за ним, стараясь держаться подальше от магмы.

Снова этот жуткий крик. Словно небо разрывают надвое. Курица, очевидно, где-то неподалёку.

– Не останавливайся! – сказал мне Лев, – мы уже близко!

Я и не думал останавливаться. Потому что воздух делался всё горячее, и мне хотелось поскорее убраться отсюда.

Вдруг что-то ударило меня в спину, и я кубарем покатился по раскалённым камням. Остановился я рядом с арбузом.

На вершине вулкана стояла гигантская курица с огнём в ноздрях. Её туша загорала половину мира. Другую половину скрывал дым, поднимающийся из кратера. Мне показалось, что дым стал гуще. Курица махала своими огромными крыльями, а когтями вцепилась в горячие камни на краю вулкана.

– Привет, наглый мальчишка! – закричала курица, сверкнув безумными окосевшими глазами.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Ты предал меня! – вскричала она.

– На то были причины, – сказал я и посмотрел в её безумные глаза.

– Не мешайся под ногами, – взревела курица, и глаза её завращались в разных направлениях.

– Ничего не могу с собой поделать, – возразил я, поднимаясь с земли, – вы похитили мою подругу.

– Моими славными предками были динозавры! – закричала курица.

– Динозавры вымерли, – ответил я, – и сейчас ты последуешь за ними.

Я бросился в сторону от арбуза, и глупая курица погналась за мной. Она чуть было не попала в меня клювом – он вонзился в камни в двух шагах от меня. Камни взмыли на воздух, подобно фейерверку.

– Давай! – закричал я Льву, – ешь арбуз!

Лев ходил кругами вокруг арбуза. Плод был велик – почти с меня ростом. Время от времени лев кидался на него в яростной атаке, но ему было не под силу прокусить толстую кожуру.

– Быстрее!

Курица снова нанесла удар, и я очень вовремя отпрыгнул в сторону. Градом посыпались камни. Из ноздрей пернатого чудовища вырывались длинные языки пламени.

Чудовище заревело, и смертоносный клюв опять устремился к своей цели, то есть, ко мне. Я ещё не успел сгруппироваться, приходя в себя после предыдущей атаки. И понял, что на этот раз мне крышка...

Вдруг передо мной появился Лев и грозно зарычал на безумную курицу. Её косые глаза выпучились от страха, клюв замер в нескольких сантиметрах, а потом она захлопала крыльями и исчезла в дыму вулкана.

– Как ты это сделал? – воскликнул я.

Лев усмехнулся.

– Она увидела Льва и испугалась. Обычная реакция трусливой курицы.

– Здорово, – похвалил я Льва, – ты очень храбрый.

– Нам нельзя медлить, – сказал Лев. Она вернётся. У тебя есть нож?

– Нож?

– Чтобы разрезать арбуз.

– Ножа у меня нет, – сказал я, – поэтому поступим проще. Разобьём арбуз о камни.

– Отличная идея.

Я поднялся на ноги.

– Интересно, как это курица умудрилась слопать первый арбуз, когда была размером с нормальную курицу? – спросил я.

– Понятия не имею, – признался Лев.

Только я ухватился за арбуз, только я начал толкать его к ближайшему нагромождению острых камней, как из тёмных облаков вулканического дыма вынырнула огромная туша.

– Думали меня провести? – закричала она своим кашляюще-грозовым криком, – я не настолько глупа!

И одним мощным разрушительным движением курица склевала арбуз с земли.

Под ногами затряслось.

Курица была очень довольна своей выходкой.

– Всё пропало, – сказал карликовый Лев.

Мне показалось, что он стал ещё меньше, чем прежде.

Курица стала расти, хотя казалось: куда ещё? Но она росла, и каменная порода под её лапами трещала и крошилась.

Небо затянулось чёрными тучами, а в их глубине дрожало и вспыхивало фиолетовое пламя.

Глаза чудовища до краёв наполнились диким безумием. Пламя ноздрей ревело. Перья становились ещё чернее, чем раньше, а спина прямо на глазах покрывалась роговым гребнем. Как у динозавров. По её телу носились фиолетовые молнии. Похожие на те, что я видел во сне.

Это было поистине устрашающее зрелище. Курица подняла к небу уродливую голову, окружённую молниями.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! – раздался глубокий громовой смех. – Теперь я – самое могущественное создание на этом острове! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Курица росла прямо на глазах. Вокруг носились дикие всполохи света. У курицы начали расти зубы.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Мир погружался во тьму. Я посмотрел на небо. Чёрные тучи закрыли дневной свет. Я подумал о грозе, которая надвигалась на меня во сне, о чёрных тучах и молниях... Я стал искать глазами Льва. И нашёл. Он был похож на привидение. От него почти ничего не осталось.

Необыкновенно низким замогильным голосом курица проревела:

– Теперь весь мир будет принадлежать мне! Последний глоток энергии – и сила Льва навеки перейдёт ко мне.

– Противное глупое существо! – закричал я. – Тебе нас не победить!

– Ты так в этом уверен? – донёсся её голос из-под туч. Она наклонила вою гигантскую отяжелевшую голову и вырвала зубастым клювом кусок скалы. Курица стала отводить голову в сторону, и я понял: она собирается смести нас этим обломком в жерло вулкана.

В отчаянии я схватил призрак Льва и вытянул его перед курицей. Я не ощущал его веса. Скала уже неслась на нас, и тут курица заметила Льва. Она вздрогнула, по привычке испугавшись грозного хищника, которым когда-то был Лев. Скала пролетела у меня над головой, курица оступилась...

Я заворожённо глядел, как она, потеряв равновесие, обрушивается в жерло вулкана.

– Нееееееет! – закричала курица. В следующий момент она была поглощена раскалённой магмой.

Мощный поток сверкающей энергии вырвался из жерла вулкана, и врезался в угрюмые чёрные тучи, пробив в них брешь. С неба опять хлынул солнечный свет. Вокруг змеились потоки света, всё искрило и двигалось, будто само пространство вздумало устроить бунт. Там и сям сверкали волны ослепительной плазмы.

– Что это? – закричал я сквозь грохот стихии.

– Эти белые вспышки – мой размер, – кричал откуда-то Лев. – Мой размер вышел из-под контроля! Теперь он принадлежит самому себе и разрушает остров!

Вокруг бушевали неуправляемые потоки энергии, некогда принадлежавшей Льву.

– Что это там? – спросил Лев.

– Где?

– Там, на земле.

Крошечный Лев прыгнул за какой-то камень.

– Тут семена арбуза! – воскликнул он. —Я их съем!

Потоки света, которыми был наполнен воздух, обрели направление. Все они устремились в одну точку.

В какой-то момент мне показалось, что я лечу сквозь ослепительное белое пространство в какой-то неведомый мир. Но я стоял на своих ногах. Энергия вокруг неслась и завывала.

И вдруг что-то взорвалось.

Первым, что я увидел, было горячее оранжевое пятно. Через минуту, когда я немного пришёл в себя, то понял, что это за пятно. Через щель на краю кратера широким потоком лилась раскалённая лава. Она текла по склону в сторону джунглей.

Лава летела по склону вулкана. Когда она достигнет подножия, джунгли вспыхнут, как охапка спичек.

Из жерла во все стороны летели каменные глыбы – вулканические бомбы. Вулкан пробуждался.

А бурная река лавы уже почти достигла деревьев у подножия вулкана.

Сквозь рёв стихии, сквозь пепел, золу и прошивающие воздух камни из кратера с кошмарным гулом вылетел толстый столб магмы, и я оказался у подножия распускающегося огненного цветка. Горячая, адская лава падала прямо мне на голову.

«Вот теперь по-настоящему жарко», – подумал я.

Я стоял, как вкопанный и заворожённо смотрел, как на меня падает безжалостный металлический огонь. Вдруг кто-то схватил меня за футболку и бесцеремонно поднял в воздух. В следующую секунду я мчался верхом на громадном Льве вниз по склону вулкана. В несколько прыжков мы очутились у подножия и увидели, как цветок огня обрушился на вершину огнедышащей горы. Позади пылали джунгли. Мы стояли на возвышении – островке земли, окружённом лавой.

– Одна проблема решена... – услышал я чей-то громоподобный голос.

Это говорил Лев. Гигантский и вовсе не сумасшедший Лев, преисполненный силы и сверхчеловеческого благородства. Он был огромен. Даже больше курицы в её последнюю минуту. Он был самым огромным существом, которое я когда-либо видел. На тот момент.

– Теперь решим другую проблему, – гроыхнул Лев.

Своими сильными лапами Лев начал тушить горящие деревья. Но лава прибывала, поджигая всё на своём пути. Это были не маленькие струйки, застывающие по дороге, которые я видел недавно. Это были целые реки. Джунгли полыхали, и Лев ничего не мог с этим поделать.

– Если мы не остановим вулкан, то острову придёт конец. Не останется места, где можно будет спрятаться от расплавленной горной породы, которая несёт смерть всему живому.

Я напрягал свой мозг, пытаясь воскресить в памяти хоть какую-нибудь инструкцию по тушению вулканов. Обычно для всего есть инструкция. Но я ничего не мог вспомнить про вулканы. Кроме того факта, что тушить их ещё никто не научился. Я сидел на спине у гигантского Льва, царя острова, но даже он был бессилён против стихии. Вокруг падали вулканические бомбы. Некоторые были размером с грузовик.

И тут ни с того ни с сего на нас обрушился дождь.

Я говорю «дождь», но я глубоко убеждён, что называть это дождём не только невежливо, но и вообще неправильно. Это было похоже на мировой океан со всеми внутренними морями и реками, который осторожно подкрался и упал нам на голову с криком «сюрприз!» На остров обрушились потоки и реки, моря и океаны воды. Вы скажете «лило как из ведра». Я скажу «лило, как будто над головой открылся портал в другую Вселенную, которая на сто процентов состоит из воды под немислимым давлением, как в сердце самых плотных звёзд».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.